

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
НА ДИССЕРТАЦИЮ С.Х. ХОТКО
«ГЕНЕЗИС АДЫГСКОГО (ЧЕРКЕССКОГО) ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА В XIII-XVI вв.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ»,
ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА
ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 07.00.02 – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИЯ**

Представленная диссертационная работа С.Х. Хотко обращает исследовательское внимание на комплекс проблем, изучение которых актуализировано как в теоретико-методологическом отношении, так и в контексте эвристического расширения наших знаний об очень важном этапе истории адыгского народа. При этом обозначенные предметные и территориальные рамки объекта исследования выводят работу далеко за пределы собственно черкесской истории, по существу реконструируя этапы развития исторического процесса в региональном охвате Северного Кавказа, Юга России, Крыма, Причерноморья в отмеченных хронологических пределах.

Последние охватывают четыре столетия региональной истории - XIII-XVI вв. Внимание автора к этому периоду вполне понятно. Это был период «тектонических» движений, эпохальных процессов, глобальных сдвигов, начало которым положили эрозия, а затем обрушение предшествующего геополитического порядка, олицетворяемого во многом цивилизационным доминированием Византии. Зарождался новый миропорядок. Он характеризовался возникновением новых центров силы и влияния, появлением новых субъектов политического процесса, кристаллизацией новой системы социально-экономических взаимосвязей и отношений. Все это коренным образом изменило исторический, этнический и культурный ландшафт региона, очертило пределы и границы того этнополитического пространства, в рамках которого продолжилась историческая жизнедеятельность адыгского этноса.

Вышесказанное подчеркивает высокую степень актуальности проблемы, исследование которой представлено в диссертационном исследовании С.Х. Хотко. Актуальность повышается в контексте научной новизны предпринятого исследования. Говоря о научной

новизне, я не имею в виду, что автор вступил на совершенно нетронутое историографическое поле, что до настоящего времени аспекты поставленных автором проблема не привлекали внимание специалистов и никто не пытался разобраться в их сущности и т.д. Нет, ситуация в другом.

Сам автор видит научную новизну в том, что «история Черкессии как часть мировой истории предстает как модель полузабытой и недоисследованной культуры» (с. 22). Аргумент «недоисследованности» довольно часто встречается в обоснованиях научной новизны диссертаций, в то время как в рамках научного дискурса он представляется малосодержательным и неуместным. Ни одна научная проблема не может быть аттестована как полностью «доисследованная», «изученная» и т.д. Будучи принятыми, эти определения, по существу отрицают возможность и необходимость повторного исследовательского обращения к конкретной проблеме. Между тем, общеизвестно, что «полного» и «окончательного» знания наука не достигнет никогда, хотя весь смысл ее саморазвития как раз и состоит в вечном стремлении к «достижению» этой недостижимой цели. Поэтому в рамках данного самодвижения повторное обращение к любой, в том числе к якобы «доисследованной» научной проблеме, является полностью оправданным, но только в том случае, если в результате мы получаем объем нового знания, которое углубляет, детализирует, уточняет наши представления об объекте, представляет его новую интерпретацию, а эти аспекты – хочу особо подчеркнуть данное обстоятельство – в значительной мере характеризует рассматриваемую работу.

Но в гораздо большей степени научную новизну диссертации С.Х. Хотко определяет то обстоятельство, что, обратившись к адыгской истории XIII-XVI вв., автор проблематизировал новые грани исторического процесса, обозначил адекватные направления исследовательских подходов к их изучению, концептуализировал огромный массив фактологического материала, который был добыт всей предшествующей историографией.

Историографии С.Х. Хотко уделили особое внимание, выделив ее в специальный раздел основного текста диссертации. Очевидно, что автор прекрасно знаком со всем тезаурусом соответствующей литературы, владеет методологией историографического анализа, широкими мазками фиксирует основные этапы развития историографии проблемы, вычленяет специфику этих этапов, отмечает влияние сформировавшихся интеллектуальных традиций на дальнейшее формирование адыгской историографии и т.д. Историографический

анализ дан в контексте поэтапной хронологии – это апробированный и методологически верный прием в рамках собственно историографических исследований. Этот прием вполне допустим и в диссертационных работах, но все же историографический обзор диссертации преследует несколько иные задачи. Поэтому не в качестве упрека, но в виде ремарки выскажу соображение, что возможно в данном случае предпочтительнее было избрать проблемно-хронологический принцип: последовательно сосредотачиваясь на поставленных проблемах, проследить за их разработкой на всем протяжении их присутствия в историографическом континууме. В этом случае можно было избежать некоторой фрагментации нарратива, когда в каждом хронологическом периоде приходится «перескакивать» с проблемы на проблему, чтобы снова вернуться к ним на следующем временном этапе их историографического изучения.

Считаю необходимым отметить широкую источниковую базу исследования. Она включает разнообразные категории источников – нарративные, археологические, картографические, данные исторической этнографии и др., которые в совокупности обеспечивают достоверность предпринятого исследования.

Основной теоретический концепт исследования связан с понятием «этнополитическое пространство». Автор не дает формализованного определения этого понятия, но исходя из сюжетики диссертации можно уяснить его семантическую наполненность. Присутствие в этой атрибутивной конструкции определяемого *пространство* вводит в определение некую территориальную составляющую. Это, действительно, так, ибо С.Х. Хотко большое внимание уделяет рассмотрению природно-географических и территориальных детерминантов исторической жизнедеятельности адыгов, обусловленной проживанием в условиях горного рельефа, лесистого ландшафта, речных и морских путей коммуникации и т.д. – всего того, что определяло «месторазвитие адыгского этноса» (с. 33).

В то же время концепт *пространство* имеет у С.Х. Хотко значительное социальное содержание. Оно сопряжено с процессами политического развития внутри адыгской этнической общности, дальнейшим развитием форм потестарной самоорганизации, институализацией властно-управленческой структуры, классово-иерархической системы, эволюции элементов духовной культуры. В то же время этнополитическое пространство охватывает и внешние взаимодействия адыгов: С.Х. Хотко исследует многовариантные связи зихо-черкесов с другими народами и этническими группами, анализирует формы этой

контактности, возникающие в этой связи интерактивные зоны и т.д. В э том дискурсе предметом рассмотрения становятся контакты северного направления – с Русью, Московским царством, восточного – с Ордой, с крымскими соседями, с османами, мамлюкский феномен вводит в адыгское этнополитическое пространство Египет, а присутствие геноуэзских колоний и наличие черноморских путей сообщений сближает средневековую Черкессию с Европой, вплоть до отмечаемых С.Х. Хотко контактов с Ватиканом.

Таким образом, территориальные пределы этнополитического пространства адыгов стремительно расширяются, вовлекая в его границы достаточно удаленные территории, и это требует, на мой взгляд, определенного теоретического обоснования и более четкой фиксации семантического определения понятия *этнополитическое пространство*.

Вторая глава диссертационного исследования посвящена социальным процессам, определявшим внутреннее развитие адыгского социума. Содержание главы очень многообразно и многоаспектно. По ходу изложения С.Х. Хотко затрагивает и анализирует большой комплекс проблем важных для понимания процессов этнополитического развития адыгов. Раздел начинается, в частности, с вопроса о взаимосвязи и соотношении этнонимов зихи и касоги, при этом С.Х. Хатко, критикуя точку зрения о том, что это два разных этносоциальных образования, приводит вполне убедительные аргументы, свидетельствующие, что в данном случае оба эти экзоэтнонима полностью синонимичны, но отражают европейскую и восточную традицию обозначения адыгов.

В то же время этнонимическая структура адыгского этнополитического пространства была достаточно сложной, и это показано во втором разделе главы. Собственно говоря, исследовательской интерес автора в данном случае сосредоточен не столько на этнонимах, сколько на их социо-политическом содержании, ибо С.Х. Хотко рассматривает вопрос о генезисе системы княжеских владений, которые фиксируются источниками XIII-XVI вв. Нужно отметить, что С.Х. Хотко проделал чрезвычайно трудоемкую, но виртуозную, скрупулезную, тончайшую работу по анализу источникового материала, сопоставляя, анализируя, сравнивая, подвергая критике, верифицируя и т.д. многочисленные, порой запутанные и противоречивые сведения средневековых хронистов и нарраторов, археологические данные, данные палеоэтнографии и т.д. В результате автору удалось воссоздать политическую географию средневековой Черкесии, наметить границы средневековых княжеств и владений и их влияние на формирование позднейшей

субэтнической карты страны. Это очень важные исследовательские достижения. Без их понимания невозможно адекватно представить основные механизмы развития адыгской истории этого и последующего этапов их исторического бытия.

Исследование С.Х. Хотко позволяет указать на важнейший механизм, определивший процесс сложения в регионе потестарных структур. Этот процесс во многом специфичный. Он развивался не по пути стягивания этнополитического пространства мощной силой усилившегося или победившего сюзерена, владетеля, князя или царя, не «железом и кровью», не тотальным подчинением верховной власти, как это часто случалось в истории многих стран и народов. Этот процесс развивался, я бы сказал, по уникальному пути складывания некоей равновесной системы, включавшей все этнополитические субъекты региона. Центробежные и центростремительные силы были уравновешены и ни одна из них не деформировала сложившуюся структуру, не подавляла системы множественности политических центров.

Были ли эти центры равнозначны и равносильны? – вероятно, нет. С.Х. Хотко показал существовавшие различия в их территориальном и демографическом потенциале, указал на сложность их внутренней структуры: например, Кремук, занимавший пространство от Псекупса до Лабы, а возможно и территории на правом берегу Кубани, включал в себя ряд более мелких владений. В политической действительности Черкесии известен статус «верховного князя», но и его первенствующая власть была весьма относительной – материалы диссертации дают немало материалов для понимания природы этого явления.

В целом, я полностью согласен с тем выводом, который сделан С.Х. Хотко: «складывалась децентрализованная, но весьма устойчивая в военно-политическом отношении “страна” под единым названием Черкесия» (с. 150).

Но эта констатация порождает новые вопросы: какова была основа этой устойчивости? что являлось краеугольным камнем этой стабильности? Данные вопросы очень важны для понимания генезиса и эволюции этнополитического пространства Черкесии. К сожалению, они не сформулированы и не заявлены в качестве исследовательской проблемы, не вычленены в качестве эвристической задачи работы.

Хотя подходы к этой проблематике намечены. Например, С.Х. Хотко дает интересный анализ динамики религиозных представлений у адыгов в соотношении триады: христианства (которое, по определению автора, находилось в состоянии деинституализации),

распространявшегося ислама и традиционных верований. Но остальные аспекты духовной культуры не затронуты, хотя они играли заметную роль в единстве этнополитического пространства Черкесии. Автор, правда, обращает внимание на всаднический комплекс – этому посвящен блестяще написанный раздел главы. При этом С.Х. Хотко анализирует всаднический комплекс не только в контексте его материально-технологических особенностей, но как часть духовной и нормативной культуры черкесов. Однако за анализом этого, действительно, очень яркого элемента традиционной адыгской культуры, ее другие элементы и их роль в обеспечении единства черкесского этнополитического пространства как-то «потерялись» в процессе изложения.

Например, автор обращается к проблемам хозяйствования и региональной экономики, которая, конечно же, скрепляла этнополитическое единство Черкесии. По тексту у автора много указаний на это обстоятельство. Однако, специальное внимание обращено только на работорговлю, которую автор называет «специфической чертой местной экономики» (с. 345). Действительно, на обозначенные годы падает расцвет этого вида торгового обмена. Он вовлек Черкесию в своеобразные экономические отношения со многими регионами мира, включил в эту сферу деятельности многие слои адыгского общества, обеспечивал поступление значительного финансового дохода. Но это не значит, что работорговля оставалась единственным экономическим ресурсом Черкесии. Более того, она не была и самым важным ресурсом, потому что в рассматриваемый хронологический период адыгская экономика представляла собой весьма разветвленный комплекс, который включал в себя высокоразвитое земледелие, садоводство, коневодство, сопутствующие отрасли хозяйствования и ремесла. Значительная часть этой продукции также шла на экспорт и на обмен – и именно эти сферы экономической деятельности обеспечивали социальную и политическую устойчивость средневековой Черкесии.

Собственно говоря, автору это хорошо известно. Полемизируя с В.Д. Смирновым, в частности, вполне справедливо не соглашаясь с ним в оценке крымско-черкесских отношений, С.Х. Хотко упрекает своего предшественника в том, что он «уделил вопросу о работорговле преувеличенное внимание» (с. 480). Но с моей точки, зрения сам С.Х. Хотко уделил этому вопросу преувеличенное внимание, во всяком случае, фактор работорговли не исчерпывает экономических факторов интегрированности адыгского этнополитического пространства XIII-XVI вв.

Помимо этого, считаю важным подчеркнуть данное обстоятельство, потому что в нашей историографии уже были попытки объяснять специфику традиционной кавказско-горской политической системы особенностями экономического поведения, которое сводилось к практикам насильственного отчуждения богатств, производимого в основном у соседей. Эти практики называли набеговой системой, хищничеством, грабежами и т.д. Поэтому я считаю, что необходимо объективно подходить к экономической истории Кавказа, учитывая все факторы и обстоятельства.

С другой стороны, логика авторского подхода понятна. Присутствие большого раздела о работорговле связана с проблематикой мамлюкства, подробно рассмотренной автором в рамках его анализа международных аспектов этнополитической истории адыгов. Основным «трафиком» появления черкесских групп в Египте была международная система работорговли, поэтому естественно С.Х. Хотко уделил этому вопросу значительное внимание, весьма убедительно показав геополитические и этнокультурные причины вовлечения населения Северо-Западного Кавказа в мобилизационную систему египетских мамлюков.

Однако возникает вопрос: насколько правомерно рассматривать мамлюкский феномен в рамках этнополитической истории адыгов, прежде всего, исходя из предложенной автором семантики понятия *этнополитическое пространство*. Выше, указывая на необходимость более четкой фиксации семантического определения этого понятия, я имел в виду именно мамлюкский феномен, который, на мой взгляд, не укладывается в рамки этого теоретического концепта.

Безусловно, причины, по которым определенные группы адыгского населения вытеснялись за пределы страны, лежат в особенностях ее этнополитического развития – это прекрасно показано С.Х. Хотко в соответствующих разделах диссертации. При этом мамлюкский феномен очень ярок, во многом он носит уникальный характер и связан с тем, что черкесы, образовав замкнутую этно-социальную группу, сыграли выдающуюся роль в истории своей новой родины, – но это история Египта, а не Черкесии. Мамлюки - это история адыгов как народа, но эти страницы своей истории адыги вписали в чужое этнополитическое пространство. С.Х. Хотко показал, что мамлюки сохраняли в своей среде многие черты адыгской этнокультурной идентичности, но этот этнокультурный потенциал использовался ими во многом для поддержания групповой солидарности в деле удержания политической

власти в регионе проживания, не внося никаких импульсов в культурное развитие своей кавказской прародины. Мамлюки не были *вызовом* для кавказской Черкесии, а ее контакты с бывшими соотечественниками не носили характера *ответа*.

В данном случае я имею в виду теорию А. Тойнби «вызов-ответ», которая входит в методологический арсенал работы – обоснование ее продуктивности для своего исследования С.Х. Хотко приводит на стр. 39. Этот теоретический контекст – вызов/ответ – служит С.Х. Хотко основой для очень плодотворного анализа международного положения Черкесии и тех внешних вызовов, которые определяли ее этнополитическое развитие в XIII-XVI вв. Эти проблемы анализируются в III и IV главах диссертационного исследования.

Внешнеполитические контакты Черкесии С.Х. Хотко, действительно, рассматривает в контексте *вызова*, на который адыгский этнополитический социум должен был дать *ответ*. Для адыгов это имело историческое значение, так как все акторы, во взаимодействие с которыми они были вовлечены – а это Орда, Крым, османы, Москва, генуэзцы и др. – во многих случаях создавали известную «угрозу» для политического, культурного, этнического статуса Черкесии. С.Х. Хотко внимательно и подробно анализирует перипетии этих взаимоотношений, прослеживает их развитие в очень сложных категориях союзничества, вассалитета, доминирования, конфронтации, вписывает тщательно реконструируемую событийную динамику в панорамный контекст регионального исторического процесса.

Эти разделы диссертационной работы безусловное исследовательское достижение автора. С.Х. Хотко очень глубоко и фундированно прослежены основные пути генезиса и эволюции этнополитического развития адыгов, реконструировано само адыгское общество XIII-XVI вв. в его главнейших социальных, политических и духовных ориентиров.

Резюмируя итоги этого исторического пути, С.Х. Хотко совершенно обоснованно отметил в Заключение, что «из относительно небольшого этнополитического объединения предмонгольского времени Черкесия превратилась в самую большую по территории и численности населения страну Северного Кавказа» (с. 492). Действительно, черкесский фактор отныне становится весьма значимым детерминантом исторического процесса в этой части евразийского пространства. Это стало возможно в результате активной вовлеченности Черкесии в региональные и трансрегиональные связи и контакты (что подробно проанализировано автором), и обеспечено поступательным социально-культурным развитием самой Черкесии (что также весьма подробно показано в работе).

Исходя из этого, я не могу согласиться с некоторыми концептуальными выводами автора о состоянии адыгского социума в рассматриваемый исторический период. Так, анализируя особенности ментального восприятия западноевропейских путешественников местных этно-социальных реалий, С.Х. Хотко пишет о «высоком уровне консервативности культуры адыгов на протяжении позднего средневековья и раннего нового времени» (с. 97). В другом месте автор говорит о «поразительной консервативности социальных и политических институтов Черкесии» (с. 37), приходит к не менее, на мой взгляд, парадоксальному выводу о том, что «высокая степень самобытности адыгского культурно-исторического типа обуславливала длительные периоды его “выпадания” из процесса поступательного развития мировой цивилизации» (с. 23).

Стремясь подчеркнуть закрытость, автаркичность и изолированность адыгской культуры, автор даже обращает внимание на метафорическое словоупотребление понятия «остров», которое, как выяснил С.Х. Хотко, прилагалось в средние века к Черкесии, проводя при этом параллели с такими известными словосочетаниями, как «аль-Джазира аль-Арабийя» и «Иль де Франс» (с. 38). Но эти сопоставления явно анахронистичны, так как историко-культурная семантика названных словосочетаний понятна только в соотнесенности с самыми ранними этапами этно-социального развития арабов и французов. Что касается адыгов, то к описываемому времени они прошли уже весьма длительный путь этнокультурного и этнополитического развития и соответствующее географическое и историческое пространство никак не походило на «остров» ни в прямом, ни в метафорическом смысле.

Но самое главное заключается в том, что адыгское общество XII-XVI вв. никак нельзя характеризовать, как консервативное. Представленные в диссертации материалы убеждают как раз в обратном: Черкесия того периода – это активное, динамично развивающееся общество, демонстрирующее поступательную эволюцию во всех областях социальной, политической, экономической и культурной жизни. Адыгский социум активно расширяет свои территориальные пределы, мигрируя и расселяясь на новых территориях, раздвигает этнополитическое пространство, устанавливая связи и контакты в трансрегиональных направлениях, в адыгском обществе происходят важные духовные сдвиги – автор описал, например, процесс смены религиозных систем (деинституализация христианства, распространение ислама, их лабильная включенность в систему местной идеологии), развитие экономики и отраслей производства, которые отнюдь не сводились к процветавшей

работоторговле. Сущностные характеристики общества, которое реконструировано С.Х. Хотко, никак не могут быть атрибутированы понятиями «консервативности», «выпадения из развития мировой цивилизации» и т.п. определениями. Общества подобного типа никогда не смогли бы пройти тот путь развития, который продемонстрировала Черкесия, став одним из ведущих политических и культурных центров того времени.

Высказанные замечания и пожелания лишь свидетельствует, что диссертационная работа С.Х. Хотко трактует весьма актуализированные и назревшие проблемы нашего знания. Собственно говоря, полемику провоцирует сам автор: в тексте диссертации он постоянно с кем-то дискутирует, вступает в спор, не соглашается, приводит контраргументы и т.д. Но это прекрасно. Спор, полемика – это живительная ткань нашей науки, важнейшие импульсы ее саморазвития.

Я хорошо знаком с научным творчеством автора, знаю его уже опубликованные труды – список работ, в которых отражены основные взгляды автора, как того требуют правила, дан в автореферате. Исходя из этого, могу сказать, что рассматриваемое сочинение, будучи в определенной степени обобщением уже высказанных научных взглядах автора, в то же время несет в себе большой исследовательский потенциал, придавая ему самостоятельное познавательное значение.

Вышесказанное дает мне все основания высоко оценить диссертационную работу С.Х. Хотко. Вновь подчеркну, что я рассматриваю ее как значительный и весомый исследовательский вклад в познание весьма актуальной научной проблемы. Работу отличает четкая постановка целей и задач, обоснованность и достоверность выводов, что способствует расширению, углублению и детализации наших знаний по сформулированной проблеме. Основные положения и выводы автора пополняют теоретический и исследовательский тезаурус нашей науки. Отныне мы гораздо лучше представляем основные пути и механизмы этнополитического и культурного развития адыгов на одном из переломных этапов их исторического развития.

Автореферат полностью соответствует содержанию и основным положениям диссертации. Представленная к защите диссертация «Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII-XVI вв.: проблемы и перспективы исследования» полностью соответствует всем требованиям «Положения о присуждении научных степеней»

предъявляемым к докторским диссертациям. Автор диссертации Самиру Хамидовичу Хотко заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальности 00.07.02

Анчабадзе Юрий Дмитриевич

Ведущий научный сотрудник

ФБГУН Института этнологии и антропологии РАН,

доктор исторических наук

(07.00.07 – этнография, этнология и антропология)

ФБГУН Институт этнологии и антропологии РАН

Москва 117334 Ленинский просп. 32 а

(495) 938 17 93

(985) 117 09 85

info@iea.ras.ru

